

## Национальные и региональные идентичности

-----

### От редакции

Второй номер журнала «Культурная и гуманитарная география» получился не похожим на первый, и это хорошо. У нас появились сразу четыре новые рубрики, причём статьи из первых трёх из них тесно связаны между собой.

Особо остановимся на двух новшествах номера: во-первых, это раздел «Критическая география». В ней мы поведём разговор о будущем, поскольку, несмотря на 30-летнюю историю критической географии за рубежом, в России её пока что практически нет.

Во-вторых, сообщаем читателям, что мы достигли договорённости с Ассоциацией американских географов и издательством Taylor & Francis о переводе и публикации на русском языке лучших статей из текущих – самых свежих! – номеров ведущего мирового журнала «Annals of the Association of American Geographers». Первым продуктом этого договора мы открываем второй номер «Культурной и гуманитарной географии».

-----

### ВНУТРЕННИЙ «ДРУГОЙ»: ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ КОНСТРУИРОВАНИЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

**Кори Джонсон,**

Ph.D. (geography),

доцент (*assistant professor*) факультета географии  
Университета Северной Каролины в Гринсборо (США)  
*E-mail: corey\_johnson@uncg.edu*

**Аманда Коулман,**

Ph.D. (geography),

доцент (*assistant professor*) факультета социальных наук  
Северо-Восточного государственного университета (шт. Оклахома, США)  
*E-mail: amandac062@gmail.com*

Статья посвящена попыткам наций подчеркнуть свои особенности и локализовать «Другого» даже в рамках формально единых политико-географических образований. Анализируется диалектическая взаимосвязь между формированием и институционализацией регионов и региональных идентичностей, с одной стороны, и нациестроительством, с другой. Авторы обращаются к двум кейс-стади, изучающим возникновение внутреннего «Другого» в Германии и Италии XIX в.

**Ключевые слова:** «Другой»; национализм; регионализм; ориентализм; идентичность; Италия; Германия.

УДК 911.3:323.2(430+450)

\* \* \*

Перевод статьи с английского выполнен Д.И. Митиным специально для журнала «Культурная и гуманитарная география» с любезного разрешения авторов, © Ассоциации американских географов и Taylor & Francis Ltd. ([www.tandfonline.com](http://www.tandfonline.com)) по изданию:

Johnson C., Coleman A. The internal Other: Exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity // *Annals of the Association of American Geographers*. 2012. Vol. 102. No. 4. P. 863-880.

Пространственные подходы к национальной идентичности – традиционная тема политической географии, и есть немало источников, сфокусированных на *параллельном формировании региональной и национальной идентичности* [Paasi 1991, 2002a, 2002b; Agnew 1997, 2001, 2007; Bialasiewicz 2002]. Подобно тому, как государства-нации часто создавали для себя «внешнего Другого» («врага»), общество *создавало «Другой» регион* в границах якобы единой политической структуры для целей национального строительства. Мы утверждаем, что этот процесс дифференциации, способствующий появлению и институционализации ярко выраженной региональной идентичности (напр., американский Юг или *Mezzogiorno* – Южная Италия), на самом деле глубоко связан с нациестроительством. Между тем зачастую сам ход и последствия этого процесса понимаются неверно. Большинство исследователей рассматривали процесс региональной дифференциации лишь в конкретных национальных контекстах – из их работ можно почерпнуть множество сведений, например, об Израиле [Yiftachel 1998], Швеции [Eriksson 2008], Индии и Пакистане [Chaturvedi 2002] и США [Jansson 2003b, 2007, 2010].

Мы же хотели бы обратиться к вопросу о том, имеет ли смысл сопоставлять примеры «конструирования регионов» в *различных* исторических и географических контекстах. Хотя эмпирические данные вышеперечисленных и многих других исследований [Paasi 1996] ценны сами по себе, мало кто предпринимает попытку выйти за пределы частных ситуаций и отдельных пространственно-временных контекстов и создать «площадку» для сравнений и обобщений процессов региональной дифференциации в разные времена и в разных местах.

В исследовании взаимосвязей между конструированием регионов и нациестроительством нас особенно интересует то, что Дж. МакЛафлин назвал «мозаичным и конфликтным процессом зарождения государства-нации и его централизации» [Mac Laughlin 2001: 308]. Оказывается, наличие разнообразных региональных идентичностей внутри государства-нации важно для реализации его миссии. Так, внутренняя разнородность в пределах одного государства значима при создании *общей цели*, служащей определяющей чертой современного государства.

Мы определяем идею *внутреннего «Другого»* как *намеренное позиционирование отличающегося от остальных региона, противостоящего национальным нормам и ценностям*. Нас интересует как «работает» эта идея в качестве элемента национального строительства.

Последние исследования по национальной и региональной идентичности, рассматриваемые ниже, оценивают процесс дифференциации регионов так: «отсталые» регионы противопоставляются наиболее «современным» и «прогрессивным». Вместе с тем, все эти исследования склонны определять общенациональные ценности как априорно заданные, не углубляясь в другой процесс формирования идентичностей – то, каким образом национальная идея задаётся оппозицией с «отклоняющимися» регионами. Поэтому нашей первоочередной задачей будет именно акцент на соотношение этих двух процессов.

Мы пытаемся разобраться, как «Другой» оказывается размещённым (*emplacement; Verortung*) внутри национального контекста [Lossau 2002; Schlottmann 2003]. Мы отмежеваемся от концепций «внутренней колонизации». Для этого мы используем в настоящей статье два кейс-стади становления европейских государств-наций в XIX веке. И это не просто исторический экскурс – здесь речь идёт о совместном анализе процессов глобализации и всемирной безопасности, с одной стороны, и обособления социальных групп («групповой сепаратизм») и региональных идентичностей, с другой [Beck 1997, 2007; Cosmopolitics... 1998; Entrikin 2003; Harvey 2009].

Начнём наше исследование диалектической взаимосвязи между региональным и национальным «строительством» с определения понятия «Другого» и прояснения вопроса о том, предполагает ли формирование нации наличие внешнего или внутреннего «Другого». После этого мы рассмотрим различные подходы к национальной идентичности, нациестроительству и регионализму с опорой на концепцию *внутреннего ориентализма*, которая призвана объяснить региональную дифференциацию в государствах-нациях

[Jansson 2003a, 2007, 2010]. Хотя внутренний ориентализм в его современной формулировке продуктивен, главный его недостаток – неспособность задействовать те источники, от имени которых он призван выступать: конкретную литературу по регионам, о способах их вовлечения в формирование нации. Мы утверждаем, что межрегиональная дифференциация – это важнейший элемент формирования нации и национальной идентичности. Формирование и институционализация регионов неотделимы от формирования и институционализации самих государств-наций.

В настоящей статье на двух примерах мы покажем, как *маргинализация* государством региона (группы регионов) создает мощные и устойчивые во времени дискурсы, становящиеся основой конструирования региональной и даже национальной идентичности. После этого мы сможем разобраться в применимости такого подхода в иных пространственно-временных контекстах.

### Зачем нужен «Другой»?

Прежде чем приступить к анализу формирования «Других» в национальном контексте, обратимся к политической теории с тем, чтобы понять, должно ли вообще конструирование «Другого» сопровождать формирование идентичности всякой социальной группы. Современная точка зрения такова: групповая идентичность основывается одновременно на «внутреннем согласии или культурной общности» и на противопоставлении другим [Eriksen 1995]. В свете сосуществования этих двух механизмов групповой идентичности Т. Эриксен выделяет два режима идентификации: на основе «мы-признака» (*we-hood*), общей идентичности и общей миссии; и «нас-признака» (*us-hood*), через противостояние «внешнему агенту» (вслед за Ж.-П. Сартром), которым может быть реальный или воображаемый враг [Eriksen 1995: 427]. Хотя возможно существование множественных противоположных идентичностей, на практике на передний план обычно выходит именно одна, наиболее давящая и актуальная. В качестве примеров приведем англичан как антагонистов французов или немцев-протестантов и их внутренних «Других» – немцев-католиков.

Концепт «Другого» в конструировании национальной идентичности основан на том, что в политической теории называется *партикуляристским тезисом* [Walzer 1992]. А. Абизаде [Abizadeh 2005] критически рассматривает взаимосвязь групповой идентичности группы и всеобщего согласия: может ли существовать коллективная идентичность без создания внешнего «Другого»? Ключевой вопрос здесь связан с тем, может ли быть сформирована коллективная идентичность при отсутствии «Другого» [Mouffe 2000]. Многое вытекает из этой концепции – «метафизической предпосылки» о существовании коллективной идентичности и априорно заданного *партикуляризма* в групповой идентичности.

По А. Абизаде, существуют два варианта партикуляристского тезиса – сильный и слабый. Более слабый вариант утверждает, что коллективная идентичность нуждается во внешнем «Другом», «противопоставляя себя которым, она самоопределяется» [Abizadeh 2005: 45]. В слабом варианте вопрос о природе взаимоотношений между группой и «Другими» остаётся открытым, и в результате они не обязательно антагонистичны. Сильный вариант партикуляристского тезиса утверждает, что отношения с «другим» *должны быть антагонистичными* или конфликтными (эта версия основана на проведенном К. Шмиттом анализе взаимодействия между суверенитетом, государством и противником [Schmitt 1996]). Декларирование С. Хантингтоном «Другого» как непримиримой стороны в случае с американской национальной идентичностью может рассматриваться как крайний случай сильного партикуляризма [Huntington 2004]. А. Абизаде сталкивается с общей для исследований по идентичности проблемой – хронической нечёткостью определения сообщества «Других». В отсутствие определения «эмпирически специфицируемой группы конкретных, реально существующих людей» [Abizadeh 2005: 55], А. Абизаде делает вывод, что коллективная идентичность *не обязательно* предполагает наличие «Другого». Мир социальных групп, отдельных лично-

стей, коллективных идентичностей, описанный А. Абизаде, реализован везде и нигде, т.е. оказывается *аспатиальным*. И всё же, когда идентичность обозначается на карте того или иного региона (а это происходит неизбежно), определённую часть этой неупорядоченности становится возможным преодолеть. Иными словами, «Другой» может быть нанесён на карту как *определённый регион*, даже если «эмпирически специфицируемая группа» не может быть однозначно идентифицирована.

Следовательно, «Другой» (или кто-либо, обладающий отчуждаемыми качествами, мешающими единству, прогрессу и т.п.) может быть соотнесён с определённой территорией на основе эмпирических наблюдений. Логическое требование определить конкретную группу людей, обладающих отличающимися характеристиками, становится если не второстепенным, то, по крайней мере, перестаёт быть обязательным условием конструирования национальной идентичности за счет «Другого». Наши примеры, как и практически все случаи конструирования идентичности и нациестроительства, включающие внешнего или внутреннего «Другого», демонстрируют такого рода противоречия и неупорядоченность. Юг Италии неоднороден, так же, как и американский Юг или западный Китай; но эти места позиционируются как сосредоточение отсталости и поэтому становятся пространственными вместилищами для всех помех развитию. В настоящей статье мы утверждаем, что различия в формировании идентичности носят пространственный характер, закрепляемый конкретными регионами как ключевыми объектами.

С географической точки зрения конструирование идентичности в определённом масштабе (государство-нация) предполагает, что внутренний «Другой» может быть столь же важен, сколь и внешний; и, как следствие, формирование идентичности на любом масштабном уровне предполагает обособление «Другого»: «Коллективная идентичность может строиться на контрасте или даже на противоборстве с реально существующим внешним «Другим», исключённым из её структуры. Но также она может основываться и на различиях с гипотетическими ценностями и с воображаемыми коллективными идентичностями, локализованными в ней, либо с исторической идентичностью, от которой необходимо дистанцироваться» [Abizadeh 2005: 58].

Так, хотя возможность сконструировать групповую идентичность без «Другого» существует, его наличие оказывается полезным для формирования *уникальных* черт формируемой идентичности.

### **«Отстающие пространства»: диалог региона и нации**

Географов всегда интересовали вопросы, связанные с регионами и государствами-нациями, и параллельные пути формирования этих пространственных категорий и масштабных уровней [Zelinsky 1980; Knight 1982; Paasi 1986, 1991, 2002a, 2009; Markusen 1987; Hans 1995; Henley 1995; Häkli 1998; MacLeod 1998; Yiftachel 1999; Agnew 2001; MacLeod, Jones 2001; Clayton 2002; Browning 2003; Amin 2004; Jones, MacLeod 2004; Barnes, Farish 2006; Deas, Lord 2006; Harrison 2006; Jonas, Pincetl 2006; Lagendijk 2007; Eriksson 2008]. Регионы почти всегда были центральным объектом географии [Allen et. al. 1998], хотя степень внимания к ним исторически постоянно менялась. Последний подобный всплеск интереса к регионам в конце 1980-х годов связан с появлением «*новой региональной географии*», отрицающей доминировавшее ранее представление о регионах как «пассивных декорациях» и провозглашающей регионы активными социальными движущими силами [Murphy 1991]. «*Новая региональная география*» изучала историко-географические процессы формирования регионов и исследовала современные состояния укоренившихся региональных конструкций. Одновременно с возобновлением интереса к культурно-историческому подходу к регионам, недавний всплеск интереса к региональной проблематике был связан с новым «открытием» регионов как форм относительного конкурентного преимущества в постоянно глобализируемой экономике [Amin 1999]. Этот интерес подразумевает изучение регионов как мест кон-

центрации капитала, формирования идентичности и осуществления социального взаимодействия [MacLeod 2001].

О регионах написано много: как они возникают, воспроизводятся и в какой степени могут легитимизироваться. Ещё больший объём литературы посвящён национализму, нациестроительству и географическому конструированию государств-наций [Anderson 1983; Billig 1995; Gruffudd 1995; Brubaker 1996, 2004; Smith 1998; Herb 1999; MacLaughlin 2001; Thompson 2001; Berndt 2003; Herb 2004; White 2004; Agnew 2007; Jones, Fowler 2007a,b; Sturm, Bauch 2010]. Способы применения таких географических инструментов, как масштаб, границы, родная страна (*homeland*), в отношении национальной тематики детально описаны [Williams, Smith 1983; Jones 2009]. Однако когда регионы и государства-нации «вступили в диалог» в географической литературе, фокус стал смещаться в сторону изучения региональных движений за автономию [Agnew 2002]. Региональная дифференциация внутри государств, по крайней мере в англо-американской политической географии, рассматривалась как центробежная сила, угрожающая национальной идентичности, источник которой находится во «взбунтовавшемся» регионе [Agnew 2001; Raento, Watson 2000; Bialasiewicz 2002; Clayton 2002]. Очень немногие исследования анализируют, как региональные различия и манифестирование региональных идентичностей внутри государств участвуют в конструировании и поддержании национальной идентичности. И дело тут не только в том, что регионы выступают географическими составными частями государств-наций, но и в существовании *диалектической взаимосвязи* между этими категориями.

Логика нашего подхода основывается на неотъемлемой *географической природе идентичности* как на региональном, так и на национальном уровне. По О. Йифтахелю, процессы дифференциации внутри государств-наций – создание и поддержание внутренних границ – служат инструментами для обнаружения территорий, нуждающихся в поддержке для сохранения соответствия национальным нормам [Yiftachel 1998: 37]. Следуя этой логике, одностороннее указание центром на экономически и культурно более слабый регион *объединяет оставшуюся часть этого государства за счёт создания мифа*, демонстрирующего величие национальных идеалов и опасность отклонения от них.

Как отмечает Г. Херб, политическая власть и национальная идентичность определяются в первую очередь *территориально*, поскольку контроль над пространством «считается очевидным свидетельством» [Herb 1999: 10] существования нации. Он пишет, что в основе несоответствий между властью и идентичностью лежит борьба за географические измерения государства-нации. «Пространственная социализация, дискурсы и опыт, объединяющие различающиеся народы в систему национального единства, в то же время тесно связаны с конкретной «родной землёй» (*homeland*)» [Herb 1999: 17]. Однако Д. Каплан обращает внимание на то, что в процессе конструирования национального единства попытка «объединения» внутренних различий в единое целое может привести к конфликту между конкурирующими концепциями идентичности [Kaplan 1999: 36]. Этот конфликт возникает между доминирующей и притесняемой (*меньшинством*) группами.

Важный аспект описанной выше внутренней динамики государств связан с экономико-географическим неравенством и поляризацией. Дж. Эгнью описывал это «современное геополитическое воображение», переводящее время в пространство, с помощью трактовки национального развития как дихотомии современного и отсталого [Agnew 2003: 36; Williams, Smith 1983]. Такая терминология, как он указывал, определяет способ оценки людьми места и заставляет их превращать относительные различия в абсолютные [Agnew 2003: 45–47] и подменять пространственные различия историческими [Agnew 2002: 68]. Во времена холодной войны сложилось представление о двух конкурирующих моделях развития, и поэтому важно было иметь Третий мир, относительно которого определялась современность развитого мира – или, точнее говоря, «только при наличии отсталого могло быть современное» [Agnew 2002: 70]. Так и зачастую нестабильное единство национальных государств укреплялось за счёт выявления внешних или внутренних «Других».

### Внутренние «Другие»: ориентализм и регионализм

Дискурсы, связанные с «современностью/отсталостью» и «внешним Другим», хорошо понятны. Основой для изучения дифференциации и более общей идеи различения служит «Ориентализм» Э. Саида [Said 1978]. Саид утверждал, что *Восток* был создан европейцами посредством дискурса ориентализма. Через тексты и визуальную презентацию европейцы сконструировали мистический, экзотический и, главное, не поддающийся контролю *Восток*. Фундаментальным для этого дискурса становится (вос)производство системы бинарных оппозиций: Европа/Запад – современные, маскулинные и нормативные; Восток/Orient – отсталый, женственный и «Другой». Э. Саид утверждал, что конструирование слабого и низменного «ориентального» востока было проявлением власти европейцев и позволило им физически распространить на восток своё влияние, в основном, за счет колониализма. Тем не менее, Э. Саид предостерегал от смешения понятий ориентализма и колониализма. Акцентируя внимание, в основном, на проникновении французов и британцев в Египет и Палестину в конце XVIII – начале XIX вв., Саид чётко указывал на то, что ориентализм хронологически предшествовал и готовил почву для европейского колониализма на Востоке. В то же время ориентализм достиг апогея в колониальную эпоху XIX в.

Таким образом, географическая дифференциация, основанная на выделении «современных» регионов в противовес «отсталым», сформировалась как неотъемлемая часть европейского общественного сознания в период, когда государства-нации и их идентичности создавались и укреплялись внутри самой Европы.

### Внутренний ориентализм

Концепция внутреннего ориентализма была впервые сформулирована Л. Шейн относительно Китая после гражданской войны [Schein 1997]. Л. Шейн утверждала, что китайские лидеры противопоставляли рассматриваемый как современный *прибрежный Китай* экзотическим и «женственным» внутренним районам. Выводы Л. Шейн по Китаю, посвящённые восприятию ханьским большинством меньшинств во внутренних областях, были использованы и в работах об этнических меньшинствах в Лаосе [Pholsena 2006], о делегитимации и феминизации турецких левых и коммунистов пантюркистами в середине XX века [Burris 2007], о маскулинности и этнических стереотипах в Сингапуре [Pugsley 2010]. Статья Л. Шейн и публикации других негеографов не концентрировали внимание на регионально-географических аспектах «Другого» (что неудивительно), а обращались к дифференцируемым группам в конкретных национальных контекстах. Среди географов региональная динамика внутреннего ориентализма рассматривалась в ряде кейс-стади, таких, как север/юг в Швеции [Eriksson 2008], и наиболее полно в работе Д. Янссона по американскому Югу [Jansson 2003b, 2007, 2010].

По Д. Янсону, внутренний ориентализм – это «дискурс, оперирующий в границах государства, подразумевающий отчуждение (*othering*) относительно более слабого региона более сильным и могущественным» [Jansson 2003b: 296]. Развитие дискурса внутреннего ориентализма следует схеме, в рамках которой слабый регион сначала оказывается подчинённым благодаря внутреннему колониализму, а затем ему приписываются отрицательные характеристики – например, культурная или моральная отсталость, коренящаяся в его колониальном положении. Как и в ориентализме, создаваемый текстами и образами отрицательный образ зависимого региона как более низкого в иерархии и отличающегося от других формируется как конструирование «Другого». Д. Янссон утверждал, что в таком случае маскулинность национальной идентичности утверждается за счёт оппозиции государства и внутреннего «Другого». Разрабатывая теорию внутреннего ориентализма, Д. Янссон обращал пристальное внимание на взаимодействие региональной и национальной идентичности на американском Юге. Этот подход продуктивен, поскольку исследователи Юга вплоть до середи-

ны 1990-х годов пытались объяснить его специфику только через противопоставление Севера и Юга и не задавались при этом вопросом, как эти две региональные идентичности *взаимосвязаны*. В последние полтора десятилетия увеличивался объем литературы (особенно исторической), ставящей под сомнение образ Севера как эталона для сравнения, поскольку значительная доля идентичности Севера строилась на противопоставлении Югу. Как показывает С.-М. Грант, исследователи априорно принимали стандартный дискурс, в котором «Север = хорошее», а «Юг = плохое», игнорируя вопрос о том, как и почему Север стал восприниматься как изначальная норма [Grant 2000]. В последние годы этот дискурс был подвергнут сомнению, поскольку ученые начали рассматривать *взаимодействие* Севера и Юга и «*взаимное конструирование*» национальной и региональной идентичностей.

Работа Д. Янссона вносит ценный вклад в географическое понимание идентичности, однако, по нашему мнению, он не до конца продвинулся в нужном направлении. Теория внутреннего ориентализма имеет многие недостатки, свойственные ориентализму Э. Саида – преувеличение роли продвижения Запада в другие культуры и недооценку сопротивления внутри этих культур [Young 1990]. Что наиболее существенно, внутренний ориентализм создаёт монолитные дихотомические идентичности (например, современное государство vs. отсталый регион), игнорируя социо-культурную дифференциацию как в государстве, так и в исследуемом регионе. При создании теории внутреннего ориентализма Д. Янссон признавал, что у людей развивается множественная идентичность – связанная и с регионом, и с государством. И всё же, даже несмотря на признание значимости региональной идентичности и для отдельных людей, и для теории внутреннего ориентализма, работа Д. Янссона во многом стоит особняком в данной проблематике. Хотя внутренний ориентализм и пытается географически точно описать возникновение и развитие регионов и региональной идентичности, он не выказывает достаточного внимания к концепции региона.

Мы можем предложить более чётко обозначить *взаимосвязь между внутренним ориентализмом и концепциями региона*. Внутренний ориентализм рассматривает регионы пассивно – во многом так же, как Саид характеризовал Восток в ориентализме. Восприятие регионов в качестве пассивных «проводников» для конструирования идентичности противоречит большей части литературы по концепции региона, которая делает акцент на диалектической природе конструирования региональной идентичности в контексте государства-нации и других его регионов. Обратимся к теории региональных исследований и работам по формированию и институционализации регионов.

В особенности нас будут интересовать работы А. Пааси [Paasi 1986, 1991, 2002a, 2009], активно продвигающие «*новую региональную географию*». Финский географ утверждает, что регионы должны рассматриваться как *социальные конструкты*, создаваемые посредством «исторически обусловленных практик и дискурсов, в которых акторы создают и наделяют значениями более или менее связанные материальные и символические миры» [Paasi 2002b: 804]. В таком качестве регионы могут быть определены, многократно интерпретированы, оспорены (*contested*). Значит, конструирование и институционализация регионов и региональной идентичности – это *социальный* процесс. Подход к регионам как продуктам социальных отношений привёл к стремлению лучше понять практики и дискурсы, связанные с созданием и поддержанием регионов, и эта тенденция, казалось бы, должна включать в себя и недавние исследования по внутреннему ориентализму. Тем не менее, существуют явные несоответствия между теоретическими взглядами на регион и концепцией формирования регионов во внутреннем ориентализме.

Наиболее существенным несоответствием оказывается восприятие самого понятия «регион». Как уже отмечалось, внутренний ориентализм воспринимал «Другие» регионы пассивно, в то время как современные концепции региона считают его «площадкой» активного социального конструирования и человеческих усилий. Характеризуя регион как пассивную единицу, ориенталисты лишают его обитателей права оспаривать или сопротивляться конструированию региона, создавать альтернативные региональные или национальные конструкты (как это

делал, например, *окцидентализм*, созданный оппонентами Э. Саида). Кроме того, если А. Пааси и другие исследователи предпринимают попытки разработать всеобъемлющую схему, объясняющую формирование и институционализацию регионов вне зависимости от исторических и географических границ, внутренний ориентализм использует «местечковый» подход, рассматривая конструирование «Других» регионов в определённых контекстах (американский Юг) без обобщений в глобальном пространственно-временном масштабе.

И хотя внутренний ориентализм, несомненно, описывает процесс, посредством которого суммируются и взаимно усиливаются национальные и региональные идентичности, мы не поддерживаем точку зрения о том, что этот процесс линейен, как утверждает данная концепция. Мы скорее считаем, что экономическая и культурная маргинализация подчинённого региона происходит синхронно и развивается диалектически. Приводимые ниже кейс-стади иллюстрируют процессы, в рамках которых групповая идентичность в государственном (национальном) масштабе опространствуется, материализуется, локализуется и воплощается на практике.

### Италия и её Юг (*Mezzogiorno*)

Внутренний ориентализм – один из процессов, за счёт которых регионы конструируются и институционализируются. Это *неотъемлемая часть нациестроительства*. Дихотомическая логика ориентализма была значима для Европы в колониальную эпоху. Такие государства, как Германия и Италия, позднее других сформировавшие национальную идентичность и не столь активно вовлечённые в колониальную экспансию, служат интересными примерами, позволяющими проследить логику отчуждения (*othering*). Создание внутренних «Других» было одним из инструментов возникновения регионов и региональной идентичности, поэтому и сами регионы следует воспринимать как продукты той же эпохи, что и государство-нация в целом.

Южная (южнее Рима) часть Италии, включая Сицилию, сосредоточивает отличия и элементы, объявленные чуждыми при формировании нации. Своеобразный путь развития Юга Италии подробно рассмотрен в литературе [Putnam 1993; Fukuyama 1995; The new... 1997; Italy's... 1998; Dickie 1999; Agnew 2002; Dunford, Greco 2005; Wong 2006]. «Южный вопрос» в Италии традиционно «создаёт устойчивый образ провинций южнее Рима, отличающихся от всего остального полуострова, прежде всего, исторически сложившейся бедностью и экономической неразвитостью, зависимым стилем в политике и культурной поддержкой патриархальных семейных отношений и организованной преступности» [Italy's... 1998: 1].

В массовом сознании всегда существовала ментальная карта, по которой, *чем дальше продвигаешься к югу, тем очевиднее становятся антагонистические черты* [Мое 2002]. «Лексикон отсталости и модернизации» [Agnew 2002: 61] стал неотъемлемой частью итальянского национального самосознания с середины XIX в., а распространённое убеждение о том, что Италии будет сложно преодолеть отсталость Юга, демонстрирует, как институционализация региона может стать постоянным свойством всего государства-нации [Italy's... 1998]. В «моральной географии» Италии все беды нации зачастую приписываются Югу как географическому региону [Agnew 2003: 42]. Чёткое противопоставление Севера и Юга, тем не менее, не всегда выражалось столь однозначно. К примеру, поэт и эссеист Джакомо Леопарди писал в начале XIX в. о том, что Юг в действительности был причиной изначальной успешности нации, намекая на великое имперское прошлое – у южан в большей мере развиты творческие способности [Мое 2002: 34]. Уже позднее оценочные суждения о юге Италии стали преобладающе негативными. Попробуем разобраться в причинах этого явления.

Изменения в политической географии вследствие наполеоновских войн подтолкнули Италию к объединению. Объединение разнородных регионов под националистическим «зонтиком» единой Италии составляло, однако, сложную задачу. Изначально было очевидно, что экономическая неразвитость Юга осложнит процесс нациестроительства [Dickie 1999].

Кульминационным моментом в осознании этих трудностей стала публикация четырёх «южных писем» Паскуале Виллари в 1875 г. П. Виллари был в авангарде интеллектуального движения, стремившегося «пробудить» буржуазную политическую элиту чётким осознанием того, с чем она в реальности сталкивается на Юге, – культурной, экономической и социальной отсталостью – и применить объективный подход социальных наук в надежде добиться «прорыва» в нациестроительстве.

Из такого рода первоначальной институционализации Юга как однородного региона возник националистический/патриотический/модернистский «проект» изучения «Другой» половины Италии. Задача была в том, чтобы обе половины могли лучше «состыковаться» вопреки экономическим и культурным различиям. Вследствие этого и возникли термины *Mezzogiorno* (букв. «полдень») и *meridionalismo* (фиксирует своеобразие региона, его отличия от Севера) [The new... 1997]. Как отмечает Дж. Дикки, «южный вопрос» был по большому счёту связан со взаимодействием региона и нации, а его разрешение способствовало формированию итальянской нации [Dickie 1999].

Спустя более чем полвека после этого Антонио Грамши сформулировал понятие *экономической бифуркации итальянцев как нации*. А. Грамши искал объяснение тому, как сельское население Юга стало зависимым от промышленников Севера и как сочувствующим лучше донести южанам сведения о попытках северян эксплуатировать их. По его мнению, когда унификация соединила феодальный Юг и индустриальный Север, у политического руля встали северные элиты [Agnew 2002: 82]. Хотя А. Грамши придавал большое значение в нациестроительстве низшим классам, он всё же выявил ключевое свойство институционализации Юга – *экономическую специфику*.

Несмотря на стремления позитивиста П. Виллари реформировать и усовершенствовать «культурные задворки», чтобы экономически интегрировать их с Севером, весь южноитальянский дискурс вместо этого акцентируется на *невозможности* усовершенствования региона. Особенное внимание привлекали клиентелизм, патриархальность семейного уклада, патернализм в политике как отличительные признаки Юга. С этими ключевыми чертами многие исследователи связывали постоянное экономическое отставание региона [Italy's... 1998].

Дискуссии об экономической жизнеспособности *Mezzogiorno* развивались параллельно с вопросом о *культурной морали* региона. Северные элиты рассматривали Юг как воплощение того, насколько несвоевременной и неевропейской была вся Италия по сравнению со своими соседями. Многие работы увязывают вместе культурную и экономическую специфику: *Mezzogiorno* отстаёт в экономическом плане потому, что его культура либо также отстаёт, либо, по крайней мере, принципиально отличается от присущей Северу.

В 1950-е годы американский политолог и антрополог Эдуард Банфилд провёл этнографическое исследование, основанное на собственном опыте жизни в итальянской деревушке Кьяромонте. Э. Банфилд создал концепцию «моральных основ отсталого общества» («*аморальной семейственности*»), используя южную Италию в качестве примера. Доминировавшие в исследуемой им деревне бедность и отсталость он объяснял «неспособностью жителей деревни действовать согласованно ради общего блага или любой цели, выходящей за рамки непосредственных материальных интересов нуклеарной семьи. Эта неспособность к совместной активности вне рамок ближайшего семейного окружения обусловлена этически – аморальной семейственностью, сформировавшейся из-за сочетания трёх факторов: высокого уровня смертности, определённых условий землепользования и отсутствия института расширенной семьи» [Banfield 1958: 10].

Э. Банфилд сформулировал прогнозную (*predictive*) гипотезу о том, что поведение жителей этой деревни (и всего Юга Италии) определяется стремлением «максимизировать *краткосрочные* материальные преимущества нуклеарной семьи, предполагая, что и все остальные будут поступать так же» [Banfield 1958: 85]. Северные же итальянцы оказались способны развивать промышленность, поскольку они смогли избежать этого иррационального типа мышления и пренебречь сиюминутными удовольствиями ради долгосрочного успеха.

Образ южной Италии как «Другого» тесно связан с ориенталистской воображаемой географией Дерека Грегори [Gregory 1994], в которой *Mezzogiorno* становится территорией «непобедимого своеобразия» (*untamed alterity*) [Dickie 1999: 63]. В отсутствие огромной колониальной империи – как у Франции и Великобритании – итальянцы конструировали *свой* «Восток» *внутри страны*. Ориенталистские репрезентации Африки были похожи на *Mezzogiorno*, и институционализация Юга как «Другого» состоялась [Dickie 1999].

Очарование, отвращение, экзотизация и обожание и по сей день входят в эмоциональную палитру реакций на *своеобразие* Юга. Стереотипные образы Юга Италии сегодня скорее будут переданы в частных разговорах, но не публично. Тем не менее, образ коррумпированного и плохо управляемого Юга, чуждого стандартам модернизации, до сих пор транслируется и тем самым стимулирует нацию к воссоединению [Dickie 1999: 144].

### В поисках региона: Германия, империя и «Другой»

#### 95. Германский рейх

Германия? Но где это? Я не знаю, как найти эту страну,  
Где начинается просвещение, заканчивается политика.

#### 96. Немецкий национальный характер

Нацией стать – понапрасну надеетесь, глупые немцы,  
Начали вы не с того – станьте сначала людьми.

«Ксении» И.-В. Гёте и Ф. Шиллера  
[Saupé 1852: 117; Гёте 1975: 241]

В немецкой историографии существует клише о том, что истории Германии не существовало до 1871 г., когда возникла единая Германия. Как явствует из «Ксений» И.-В. Гёте и Шиллера 1797 г., даже два известных литературных сторонника национального единства, по крайней мере, в сатирическом творчестве, скептически относились к идее объединённой Германии – как в политическом, так и в культурном плане. Они писали в то время, когда ни Гамбург, ни Вена, ни даже кантовский Кёнигсберг не могли с очевидностью считаться частями единого политико-географического пространства. Тем не менее, так же, как и в Италии, и примерно в то же время сочетание внешних и внутренних факторов привело к консолидации политической власти в Германии во второй половине XIX в. Параллели в проектах по унификации и нациестроительству в Германии и Италии очевидны. Как и Италия, Германия не была обширной колониальной империей, и исходный вектор в конструировании идентичности был сориентирован *вовнутрь*.

Начнём с рассмотрения вопроса о так называемом немецком *зондерwege* (*Sonderweg*), или особом историческом пути. Теория зондервега, в основном, сосредоточена на «преобладающем воздействии Пруссии» в национальном развитии Германии [Applegate 1999]. Ключевой в данном отношении вопрос в том, сопротивлялись или приспособлялись регионы на первоначальном этапе немецкого единства, и как неконформистские регионы вписались в общую схему национальной идентичности [Applegate 1999].

После провозглашения Германской империи в Версале в январе 1871 г. немецкое государство впервые стало территориально-политической, а не просто культурной конструкцией. «Впервые в истории национальные границы очертили территорию Германии, придав ей особую форму и контуры» [Confino 1997: 62]. Очень важным, особенно в первые десятилетия существования «новорожденного» государства, было наличие «*внутренних врагов*», которые препятствовали естественному стремлению к общей идентичности и к модернизации [Blackbourn 2003: 331; Foucault 2003; Foucault et. al. 2007].

Так же, как и в Италии, модернизация и прогресс были глубоко вовлечены в национальное строительство, хотя до объединения немцы, как и итальянцы, считались в Европе антиматериалистами. Немцы «превозносили естественное и органическое по сравнению с механистическим; благоволили «глубокой» культуре по сравнению с «мелкой» цивилизацией» [Blackbourn 2003: 205]. К. Маркс заметил, что немцы не были особо устремлены модернизироваться, их развитие было недостаточным относительно экономического потенциала, и они только начинали задумываться о том, что другие уже сделали [Blackbourn 2003]. По мере увеличения темпов индустриализации и с решением вопроса о государственном единстве инертность развития Германии сменилась «культурой прогресса», торжеством технологии, современности [Blackbourn 2003: 205]. Слоган «сделано в Германии» как знак качества стал де-факто следствием объединения страны. При этом относительно неразвитые южные регионы Германии оставались на периферии как этого нарратива, так и политико-экономических основ империи в целом.

Дискурсы современности и отсталости тесно связаны с вопросами религии и регионализма. Малогерманское (*Kleindeutsch*) решение этих вопросов наносило удар по католикам, заставляя их выбирать между Германией и Римом с учетом того, что Папа требовал «полного подчинения» [Applegate 1990: 52]. Католики были географически сконцентрированы в Баварии, Бадене, Северной Рейн-Вестфалии между Кобленцем и Кёльном и на некоторых территориях современной Польши. Считалось, что они тормозили формирование немецкой идентичности и развитие Германии как сверхдержавы. Отто фон Бисмарк был самым известным сторонником распространенного в среде либералов движения «Культуркампф» (*Kulturkampf*), целью которого было «символическое исключение католицизма из гегемонистской версии национальной культуры» [Borutta 2003: 227]. «Для либерального сторонника Культуркампа победа над Францией очертила и зафиксировала границы империи. Это было впечатляющим достижением, но не только война была необходима для объединения нации. Другая кампания, на этот раз проводившаяся внутри империи против католической церкви, должна была завершить моральную, социальную и культурную унификацию Германии, чтобы сохранить империю и достижения Просвещения. Это требовало усилий, не меньших, чем война; и хотя кампания могла бы быть бескровной, её значение огромно как для Германии, так и для всего мира в целом» [Gross 2004: 288].

Ориенталистское североитальянское видение «Другого» в Юге Италии в случае с Германией имело свой аналог. *Протестантский Север* рассматривал Верхнюю Баварию и исторический Баден как статичные *католические* регионы, лишённые истории [Borutta 2003: 227].

Немецкая культура, как считали сторонники Культуркампа, была протестантской, и культурный протестантизм объяснял развитие Германии [Weber, Kalberg 2009]. Интеллектуальный центр немецкой культуры был сформирован на протестантском прусском севере [Gebhardt 2005]. Историография объединения Германии, в основном, фокусировалась на эффектах культурного противостояния в целостном немецком пространстве, игнорируя вопрос о том, как эта борьба укоренялась в попытках конструирования отдельных региональных идентичностей. Географическая локализация внутреннего «Другого» в Германии не была столь чёткой, как в Италии. Она более напоминала «кельтский пояс» в Великобритании. В Германии католические «лоскуты» на востоке, в Рейнской провинции и в Баварии окружали протестантский «хартленд» империи с центром в Пруссии.

Как принято считать, идеология Культуркампа в Германии провалилась, и государство-нация не стало однородным в том смысле, который вкладывали в это понятие либералы. Культурные водоразделы в Германии 1870–1880-х годов были многогранны (например, город/село, труд/капитал, левые/правые), и, в конечном итоге, они стали более существенными, чем конфессиональные различия [Clark 2006]. Регионы Германии с их ключевыми особенностями в определённый момент были включены в процесс нациестроительства.

В этот период регионы вместо раскрытия собственной истории и идентичности по-другому интерпретировали свои специфические черты. Они либо становились воплоще-

нием отчуждаемых (*othering*) свойств, стоящих на пути национального единства (как в католической Баварии); либо, наоборот, объявлялись определяющими характеристиками прогресса и успеха объединённой нации (в протестантской Саксонии и Пруссии). С. Эпплгейт считала этот процесс *обесценивания регионального и героизации национального* частью большой кампании распространённого в среде европейских буржуазных элит «осуждения провинциального, частного и самобытного» [Applegate 1999: 1160]. Географически более точное определение подчеркнуло бы, что в период нацистского строительства *частное* ассоциировалось с конкретным полимасштабным уровнем анализа – *региональным*.

### Вечный «Другой»? Об устойчивости региональных стереотипов

Кратко суммируем выводы из наших кейс-стади. В каждом из случаев мы определяем ключевые моменты, когда идентификация культурных и экономических различий становится связанной с вопросами зарождающегося проекта нацистского строительства. И в Италии, и в Германии существовала внешнеполитическая потребность в национальном объединении, основанная на параллельно протекавших европейских событиях второй половины XIX в. После этого происходило осознание экономических и культурных внутристрановых различий: от итальянского «*меридионализма*», в рамках которого североитальянские элиты пытались осмыслить культурную и экономическую специфику Юга, до либерального Культуркампа в Германии, объявившего католическую периферию объединённой страны маргинальной. В обоих случаях *экономическая поляризация сопровождалась признанием непреодолимых культурных различий*. Так, жители южной Италии были признаны носителями «аморальной семейственности» и сравнивались с африканцами; а немецкие католики считались необразованными и нелояльными к Берлину и к «культуре прогресса».

Но насколько постоянен этот процесс отчуждения (*othering*) регионов? Что касается Италии, Юг продолжает представлять собой «мощный символ угроз и проблем» [Dickie 1999: 145]. Южная Италия выступает важным элементом современного политического дискурса вокруг регионалистической национально-консервативной политической партии «*Лига Севера*», идеология которой строится как антипод *Mezzogiorno* [Agnew 1997; Giordano 2000; Agnew et. al. 2002; Shin, Agnew 2002]. Реальная экономическая география Италии уже не может в полной мере быть охарактеризована через поляризацию богатого Севера и бедного Юга. С начала 1990-х годов в литературе акцентировалась «внутренняя дифференциация» в южной Италии, которую У. Росси называл постфордистским «архипелагом локальных экономик» и даже «постмеридионализмом» [Rossi 2004: 467].

В случае с Германией изменения по сравнению с XIX в. были ещё более радикальными. В процессе воссоединения Германии в 1990 г. культурные различия вновь участвуют в объяснении хронической отсталости одной из частей Германии. Вместо добродетельного протестантского Севера, противостоящего католическому Югу, сейчас речь идёт о культурных отличиях восточных немцев из бывшей ГДР. Динамика «Север – Юг» была, по словам Х. Гебхардта, «перевернута с ног на голову» [Gebhardt 2005]. Сущность культурных различий связывается с интеллектом, а чаще всего – с трудовой этикой [Diestel 2004]. Такого рода обвинения вышли на первый план в предвыборной борьбе за пост федерального канцлера в 2005 г., когда кандидат от консервативного, в основном, католического Христианско-социального союза в Баварии Э. Штойбер посетовал, что восточные немцы определяют исход выборов [Stoiber... 2005]. В той же речи он высказал мнение, что восточные немцы менее интеллектуальны, чем баварцы.

По мнению некоторых обозревателей, культурное отличие, определяющее невыразительные экономические достижения восточной Германии, связано с нехваткой духа предпринимательства. Тот, кто начинает бизнес в восточной Германии, чаще становится объектом зависти, нежели уважения или признания [Schmid 2001]. В немецкой послевоенной мифологии ключевая миссия западной Германии неразрывно связывалась с идеей экономиче-

ского чуда (*Wirtschaftswunder*) – необходимостью перенаправить энергию и потенциал нации от военно-политической мощи к экономической. Слабое экономическое развитие, последовавшее за воссоединением 1990 г., но никак не связанное с ним, стало глубоко и серьёзно угрожать этому мифу. Представленные здесь примеры отсылают к положению А. Шлоттманн о том, что «пространственная логика», возникшая в Германии, связывает успехи и провалы воссоединения с «существенными совокупностями и <...> воображаемыми «ёмкостями» определённого качества и содержания» [Schlottmann 2008: 824]. Как и ранее, эта пространственная логика включает и экономические, и культурные различия; при этом важно, что бывшие отстающие регионы (Бавария и Баден) теперь стали «победителями», лидерами в экономике и культуре.

Вопросы об устойчивости региональной идентичности не анализируются на регулярной основе в других исследованиях по конструированию «Другого» в национальных контекстах, в том числе во внутреннем ориентализме. Этот вопрос вызывает особый интерес в свете популярного в наши дни понимания *регионов* как того масштаба анализа, который наименее подвержен социально-экономическим и политическим проблемам государственного уровня. Дж. Эгнью 10 лет назад признавал, что «символические аспекты регионализма по сравнению с экономическими ещё недостаточно изучены» [Agnew 2001: 105-106]. Каким образом региональные идентичности внедряются в общественное сознание и каковы длительные политические и экономические последствия этого – понятно лишь отчасти. Хотя работ по регионализму и региональной географии немало, до сих пор не существует обобщающего объяснения институционализации регионов и региональной идентичности в рамках государства-нации. *Глобализация фактически возродила интерес к внутригосударственной дифференциации*, поскольку государство освободило себя от роли ведущего актора в географическом перераспределении ресурсов [Brenner 2004]. Таким образом, регионы становятся естественными точками применения стратегий развития, которые Н. Бреннер назвал пространствами конкуренции (*spaces of competitiveness*) [Brenner 2004: 321]. Чтобы достичь успеха в глобальной экономике, некоторым регионам необходимо преодолеть отрицательные черты, которые связаны с описанными нами выше процессами [Jarosz, Lawson 2002; O'Brien, Leichenko 2003; Lawson et. al. 2008].

Говоря о продуктивности нашего подхода к изучению диалектической взаимосвязанности зарождающейся региональной идентичности и нациестроительства, мы не можем охватить всю многогранность приведённых выше исследований. Конечно же, охарактеризованные кейс-стади уникальны, и поэтому наши выводы следует экстраполировать с осторожностью. Также неприемлемым будет «выдёргивать» полученные нами результаты из конкретных геоисторических контекстов, «укладывая» их в чёткую теоретическую рамку. Национальные и региональные идентичности «вырастают» из конкретного набора географических и исторических обстоятельств на специфических территориях.

Тем не менее, наши примеры показывают, что провозглашаемые цели интеграции национальной идентичности – символического, дискурсивного и даже нравственного «центра», или *непревзойденного образца*, – могут повторяться в пространстве и времени, поэтому эти процессы нуждаются в дополнительном эмпирическом изучении. Наше исследование показывает, что дискурсы дифференциации подчас могут сказать о проблемах нации в целом не меньше, чем о конкретном ставшем «Другим» регионе. При этом подобное утверждение сегодня не менее верно, чем в XIX в. Проекты итальянской и немецкой унификации, к примеру, были процессами модернизации и европеизации, а также откликом на политическую консолидацию в других частях Европы. Локализуя отсталость, феодализм и примитивизм в южной части Италии или в католических регионах Германии, элиты поддерживали миссию нациестроительства – а вина за неудачи на этом пути могла быть локализована в соответствующих регионах.

## Заключение

Настоящая статья написана под влиянием недавних географических исследований по внутреннему ориентализму, ставших отправной точкой для дальнейших попыток теоретизировать взаимозависимость формирования национальной и региональной идентичностей. Процессы дифференциации редко протекают настолько линейно и аккуратно, как это утверждается в некоторых современных концепциях. Скорее зарождение «Другого» предполагает целый набор параллельных процессов, в результате которых создаются экономически и культурно дифференцированные регионы. Как показывает наше исследование, последствия региональной дифференциации фундаментально вовлекаются в процессы нациестроительства и конструирования национальной идентичности. Значит, и изучение этих явлений требует учёта региональной дифференциации. Мы ни в коей мере не считаем, что существует один тип взаимосвязи и одна теория, объединяющая все случаи. В то же время наша интерпретация чётко демонстрирует, что необходимо и в дальнейшем исследовать «конструирование» регионов как неотъемлемый компонент зарождения нации.

Анализируя конструирование региональной и национальной идентичности, мы не пытаемся игнорировать работы, апеллирующие к глобальному контексту и смещающие исследовательский фокус от территориальных измерений регионов к их сетевым взаимосвязям и относительным воплощениям [Amin 2004; Yeung 2005]. «Размывание» пространственности государства в условиях глобальной экономической интеграции, урбанизации и транснационализации [Brenner 2004: 5] естественным образом означает, что особенности, характерные для Италии или Германии XIX в., нельзя механически переносить на современность. И в самом деле, используемые нами кейс-стади в последнее время подверглись критике вследствие культурной и экономической *гетеротопии*: описываются динамичность некоторых районов южной Италии [Guerrieri, Iammarino 2006] и экспортный потенциал южной Германии [Cooke, Morgan 1998]. Вместе с тем, проделанная нами работа значима для интерпретации нациестроительства в различных частях мира.

Взаимоотношения между регионом и государством служат источником как конфликтов, так и новых возможностей. Несчётное число подходов к вопросу о *влиянии глобализации* на национальные идентичности, безусловно, включают в себя и дифференциацию путей развития регионов в глобализирующемся государстве. Рассмотрение диалектических отношений между региональной и национальной идентичностью с использованием дискурсов границ, центрo-периферийных отношений и пространственности/территориальности [Flora et. al. 1999] должно находиться в центре внимания политической географии. Как продемонстрировала А. Шлоттманн, создание бинарных оппозиций («мы – они», «здесь – там», «внешнее – внутреннее») в описаниях пространственной дифференциации, идентичностей и отношений включения/исключения, всё ещё присутствует в общественной географии [Schlottmann 2008: 824]. Именно *устойчивость* подобных оппозиций и, более конкретно, самих регионов и региональных (само)сознаний должна, на наш взгляд, стать важной темой исследований идентичностей в будущем.

## Литература

- Гёте И.-В. Собр. соч. в 10-и тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975.
- Abizadeh A.. Does collective identity presuppose an other? On the alleged incoherence of global solidarity // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. No. 1. P. 45–60.
- Agnew J.A. The dramaturgy of horizons: Geographical scale in the “Reconstruction of Italy” by the new Italian political parties, 1992–1995 // Political Geography. 1997. Vol. 16. No. 2. P. 99–121.
- Agnew J.A. Regions in revolt // Progress in Human Geography. 2001. Vol. 25. No. 1. P. 103–110.
- Agnew J.A. Place and politics in modern Italy. Chicago: University of Chicago Press, 2002.
- Agnew J.A. Geopolitics: Re-visioning world politics. 2nd ed. L.–N.Y.: Routledge, 2003.

Agnew J.A. No borders, no nations: Making Greece in Macedonia // *Annals of the Association of American Geographers*. 2007. Vol. 97. No. 2. P. 398–422.

Agnew J.A., Shin M., Bettoni G. City versus metropolis: The Northern League in the Milan Metropolitan Area // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. No. 2. P. 266–283.

Allen J., Massey D., Cochrane A., Charlesworth D., Court G., Henry N., Sarre P. *Rethinking the region*. L.–N.Y.: Routledge, 1998.

Amin A. An institutionalist perspective on regional economic development // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1999. Vol. 23. No. 2. P. 365–378.

Amin A. Regions unbound: Towards a new politics of place // *Geografiska Annaler. Series B: Human Geography*. 2004. Vol. 86. No. 1. P. 33–44.

Anderson B. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. L.: Verso, 1983.

Applegate C. *A nation of provincials: The German idea of Heimat*. Berkeley: University of California Press, 1990.

Applegate C. A Europe of regions: Reflections on the historiography of sub-national places in modern times // *The American Historical Review*. 1999. Vol. 104. No. 4. P. 1157–1182.

Banfield E.C. *The moral basis of a backward society*. Glencoe, IL: Free Press, 1958.

Barnes T. J., Farish M. Between regions: Science, militarism, and American geography from World War to Cold War // *Annals of the Association of American Geographers*. 2006. Vol. 96. No. 4. P. 807–826.

Beck U. *Was ist Globalisierung?* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.

Beck U. The cosmopolitan condition: Why methodological nationalism fails // *Theory. Culture. Society*. 2007. Vol. 24. No. 7–8. P. 286–290.

Berndt C. Territorialized key words and methodological nationalism: Cultural constructions of institutional change in Germany // *European Urban and Regional Studies*. 2003. Vol. 10. No. 4. P. 283–295.

Bialasiewicz L. Upper Silesia: Rebirth of a regional identity in Poland // *Regional & Federal Studies*. 2002. Vol. 12. No. 2. P. 111–132.

Billig M. *Banal nationalism*. L.: Sage, 1995.

Blackbourn D. *History of Germany, 1780–1918: The long nineteenth century*. 2nd ed. Malden, MA: Blackwell, 2003.

Borutta M. Enemies at the gate: The Moabit Klostersturm and the Kulturkampf: Germany // *Culture wars: Secular–Catholic conflict in nineteenth-century Europe* / Ed. by C.M. Clark, W. Kaiser. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. P. 227–254.

Brenner N. *New state spaces: Urban governance and the rescaling of statehood*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2004.

Browning C.S. The region-building approach revisited: The continued othering of Russia in discourses of region-building in the European North // *Geopolitics*. 2003. Vol. 8. No. 1. P. 45–71.

Brubaker R. *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the new Europe*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996.

Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

Burris G.A. The other from within: Pan-Turkist mythmaking and the expulsion of the Turkish left // *Middle Eastern Studies*. 2007. Vol. 43. No. 4. P. 611–624.

Chaturvedi S. Process of othering in the case of India and Pakistan // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2002. Vol. 93. No. 2. P. 149–159.

Clark C.M. *Iron kingdom: The rise and downfall of Prussia, 1600–1947*. Cambridge, MA: Belknap, 2006.

Clayton T. Politics and nationalism in Scotland: A Clydeside case study of identity construction // *Political Geography*. 2002. Vol. 21. No. 6. P. 813–843.

Confino A. The nation as a local metaphor: Wurttemberg, imperial Germany, and national memory, 1871–1918. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997.

Cooke P., Morgan K. The associational economy: Firms, regions, and innovation. Oxford, UK: Oxford University Press, 1998.

Cosmopolitics: Thinking and feeling beyond the nation / Ed. by P. Cheah, B. Robbins. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.

Deas I., Lord A. From a new regionalism to an unusual regionalism? The emergence of non-standard regional spaces and lessons for the territorial reorganization of the state // *Urban Studies*. 2006. Vol. 43. P. 1847–1877.

Dickie J. Darkest Italy: The nation and stereotypes of the Mezzogiorno, 1860–1900. N.Y.: St. Martin's, 1999.

Diestel P.-M. Aufbau Ost ist nicht schuld am Absturz West // *Suddeutsche Zeitung*. 10 April 2004. P. 2.

Dunford M., Greco L. After the three Italies: Wealth, inequality and industrial change. Malden, MA: Blackwell, 2005.

Enrikin J.N. Political community, identity, and cosmopolitan place // *Europe without borders* / Ed. by M. Berezin, M. Schain. Baltimore: Johns Hopkins Press, 2003. P. 51–63.

Eriksen T.H. We and us: Two modes of group identification // *Journal of Peace Research*. 1995. Vol. 32. No. 4. P. 427–436.

Eriksson M. (Re)producing a “peripheral” region—Northern Sweden in the news // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2008. Vol. 90. No. 4. P. 369–388.

Flora P., Kuhnle S., Urwin D.W. State formation, nation-building, and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan, based on his collected works. Oxford, UK: Oxford University Press, 1999.

Foucault M. Society must be defended: Lectures at the College de France, 1975–76. N.Y.: Picador, 2003.

Foucault M., Senellart M., Davidson A.I. Security, territory, population: Lectures at the College de France, 1977–1978. Houndmills, UK: Palgrave Macmillan, 2007.

Fukuyama F. Trust: Social virtues and the creation of prosperity. N.Y.: Free Press, 1995.

Gebhardt H. “The south strikes back”?—Ein geographischer Essay uber Nord-Sud-Kontraste in Deutschland // *Berichte zur deutschen Landeskunde*. 2005. H. 79(2–3). S. 193–207.

Giordano B. Italian regionalism or “Padanian” nationalism—The political project of the Lega Nord in Italian politics // *Political Geography*. 2000. Vol. 19. No. 4. P. 445–471.

Grant S.-M. North over South: Northern nationalism and American identity in the antebellum era. Lawrence: University Press of Kansas, 2000.

Gregory D. Geographical imaginations. Cambridge, MA: Blackwell, 1994.

Gross M. B. The war against Catholicism: Liberalism and the anti-Catholic imagination in nineteenth-century Germany. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.

Gruffudd P. Remaking Wales: Nation-building and the geographical imagination, 1925–1950 // *Political Geography*. 1995. Vol. 14. No. 3. P. 219–239.

Guerrieri P., Iammarino S. The rise of “many Mezzogiorni”: An empirical assessment of the internal differentiation of Italian southern regions // *European Urban and Regional Studies*. 2006. Vol. 13. No. 2. P. 167–178.

Häkli J. Discourse in the production of political space: Decolonizing the symbolism of provinces in Finland // *Political Geography*. 1998. Vol. 17. No. 3. P. 331–363.

Hans H. What's new and what's regional in the “new regional geography”? // *Geografiska Annaler. Series B: Human Geography*. 1995. Vol. 77. No. 1. P. 47–63.

Harrison J. Re-reading the new regionalism: A sympathetic critique // *Space & Polity*. 2006. Vol. 10. No. 1. P. 21–46.

Harvey D. Cosmopolitanism and the geographies of freedom. N.Y.: Columbia University Press, 2009.

Henley D.E.F. Regional nationalism in a colonial state: A case study from the Dutch East Indies // *Political Geography*. 1995. Vol. 14. No. 1. P. 31–58.

Herb G. H. National identity and territory // *Nested identities: Nationalism, territory, and scale* / Ed. by G.H. Herb, D.H. Kaplan. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999. P. 9–30.

Herb G. H. Double vision: Territorial strategies in the construction of national identities in Germany, 1949–1979 // *Annals of the Association of American Geographers*. 2004. Vol. 94. No. 1. P. 140–164.

Huntington S.P. Who are we? The challenges to America's national identity. N.Y.: Simon & Schuster, 2004.

Italy's "Southern question": Orientalism in one country / Ed. by J. Schneider. Oxford, UK: Berg, 1998.

Jansson D.R. American national identity and the progress of the New South in *National Geographic Magazine* // *Geographical Review*. 2003a. Vol. 93. No. 3. P. 350–369.

Jansson D.R. Internal orientalism in America: W. J. Cash's 'The Mind of the South' and the spatial construction of American national identity // *Political Geography*. 2003b. Vol. 22. No. 3. P. 293–316.

Jansson D.R. The haunting of the South: American geopolitical identity and the burden of Southern history // *Geopolitics*. 2007. Vol. 12. No. 3. P. 400–425.

Jansson D.R. Racialization and "Southern" identities of resistance: A psychogeography of internal orientalism in the United States // *Annals of the Association of American Geographers*. 2010. Vol. 100. No. 1. P. 202–221.

Jarosz L., Lawson V. "Sophisticated people versus rednecks": Economic restructuring and class difference in America's West // *Antipode*. 2002. Vol. 34. No. 1. P. 8–27.

Jonas A.E.G., Pincetl S. Rescaling regions in the state: The new regionalism in California // *Political Geography*. 2006. Vol. 25. No. 5. P. 482–505.

Jones M., MacLeod G. Regional spaces, spaces of regionalism: Territory, insurgent politics and the English question // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2004. Vol. 29. No. 4. P. 433–452.

Jones R. Sovereignty and statelessness in the border enclaves of India and Bangladesh // *Political Geography*. 2009. Vol. 28. No. 6. P. 373–381.

Jones R., Fowler C. National elites, national masses: Oral history and the (re)production of the Welsh nation // *Social and Cultural Geography*. 2007a. Vol. 8. No. 3. P. 417–432.

Jones R., Fowler C. Placing and scaling the nation // *Environment & Planning D: Society & Space*. 2007b. Vol. 25. No. 2. P. 332–354.

Kaplan D.H. Territorial identities and geographic scale // *Nested identities: Nationalism, territory, and scale* / Ed. by G.H. Herb, D.H. Kaplan. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999. P. 31–52.

Knight D.B. Identity and territory: Geographical perspectives on nationalism and regionalism // *Annals of the Association of American Geographers*. 1982. Vol. 72. No. 4. P. 514–531.

Legendijk A. The accident of the region: A strategic relational perspective on the construction of the region's significance // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41. No. 9. P. 1193–1207.

Lawson V., Jarosz L., Bonds A. Building economies from the bottom up: (Mis)representations of poverty in the rural American Northwest // *Social & Cultural Geography*. 2008. Vol. 9. No. 7. P. 737–753.

Lossau J. *Die Politik der Verortung*. Bielefeld: Transcript, 2002.

Mac Laughlin J. *Reimagining the nation-state: The contested terrains of nation-building*. L.: Pluto Press, 2001.

MacLeod G. In what sense a region? Place hybridity, symbolic shape, and institutional formation in (post-)modern Scotland // *Political Geography*. 1998. Vol. 17. No. 7. P. 833–863.

MacLeod G. New regionalism reconsidered: Globalization and the remaking of political economic space // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. No. 4. P. 804–829.

MacLeod G., Jones M. Renewing the geography of regions // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2001. Vol. 19. No. 6. P. 669–695.

Markusen A. *Regions: The economics and politics of territory*. Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1987.

Moe N. *The view from Vesuvius: Italian culture and the southern question*. Berkeley: University of California Press, 2002.

Mouffe C. *The democratic paradox*. L.: Verso, 2000.

Murphy A.B. Regions as social constructs: The gap between theory and practice // *Progress in Human Geography*. 1991. Vol. 15. No. 1. P. 22–35.

O'Brien K.L., Leichenko R.M. Winners and losers in the context of global change // *Annals of the Association of American Geographers*. 2003. Vol. 93. No. 1. P. 89–103.

Paasi A. The institutionalization of regions: A theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity // *Fennia*. 1986. Vol. 164. No. 1. P. 105–146.

Paasi A. Deconstructing regions: Notes on the scales of spatial life // *Environment & Planning A*. 1991. Vol. 23. No. 2. P. 39–56.

Paasi A. *Territories, boundaries, and consciousness: The changing geographies of the Finnish–Russian boundary*. Chichester, UK: Wiley, 1996.

Paasi A. Bounded spaces in the mobile world: Deconstructing “regional identity” // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2002a. Vol. 93. No. 2. P. 137–148.

Paasi A. Place and region: Regional worlds and words // *Progress in Human Geography*. 2002b. Vol. 26. No. 6. P. 802–811.

Paasi A. The resurgence of the “region” and “regional identity”: Theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35 (Supp. S1). P. 121–146.

Pholsena V. *Post-war Laos: The politics of culture, history, and identity*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006.

Pugsley P.C. Singapore FHM: State values and the construction of Singaporean masculinity in a syndicated men's magazine // *Asian Studies Review*. 2010. Vol. 34. No. 2. P. 171–190.

Putnam R. D. *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

Raento P., Watson C.J. Gernika, Guernica, Guernica?: Contested meanings of a Basque place // *Political Geography*. 2000. Vol. 19. No. 6. P. 707–736.

Rossi U. New regionalism contested: Some remarks in light of the case of the Mezzogiorno of Italy // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2004. Vol. 28. No. 2. P. 466–476.

Said E.W. *Orientalism*. N.Y.: Pantheon, 1978.

Saupe E. *Die Schiller-Goethe'schen Xenien*. Leipzig: Weber, 1852.

Schein L. Gender and internal orientalism in China // *Modern China*. 1997. Vol. 23. No. 1. P. 69–98.

Schlottmann A. Zur Verortung von Kultur in kommunikativer Praxis—Beispiel ‘Ostdeutschland’ // *Geographische Zeitschrift*. 2003. H. 91(1). S. 40–51.

Schlottmann A. Closed spaces: Can't live with them, can't live without them // *Environment & Planning D: Society and Space*. 2008. Vol. 26. P. 823–841.

Schmid K.-P. Politik für die Kippe // *Die Zeit*. 3 May 2001. [http://www.zeit.de/2001/19/Politik\\_fuer\\_die\\_Kippe](http://www.zeit.de/2001/19/Politik_fuer_die_Kippe).

Schmitt C. *The concept of the political*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

- Shin M.E., Agnew J. The geography of party replacement in Italy, 1987–1996 // Political Geography. 2002. Vol. 21. No. 2. P. 221–242.
- Smith A. D. Nationalism and modernism: A critical survey of recent theories of nations and nationalism. L.–N.Y.: Routledge, 1998.
- Stoiber “geschmacklos sondergleichen” // Die Zeit. 11 August 2005. [http://www.zeit.de/2005/33/stoiber\\_ostdeutschland](http://www.zeit.de/2005/33/stoiber_ostdeutschland).
- Sturm T., Bauch N. Nationalism and geography: An interview with Rogers Brubaker // Geopolitics. 2010. Vol. 15. No. 1. P. 185–196.
- The new history of the Italian south: The Mezzogiorno revisited / Ed. by R.Lumley, J. Morris. Exeter, UK: University of Exeter Press, 1997.
- Thompson A. Nations, national identities and human agency: Putting people back into nations // The Sociological Review. 2001. Vol. 49. No. 1. P. 18–32.
- Walzer M. The new tribalism: Notes on a difficult problem // Dissent. 1992. No. 39. P. 164–171.
- Weber M., Kalberg S. The Protestant ethic and the spirit of capitalism: With other writings on the rise of the West. 4th ed. N.Y.: Oxford University Press, 2009.
- White G.W. Nation, state, and territory: Origins, evolutions, and relationships. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2004.
- Williams C., Smith A.D. The national construction of social space // Progress in Human Geography. 1983. Vol. 7. No. 4. P. 502–518.
- Wong A.S. Race and the nation in liberal Italy, 1861–1911: Meridionalism, empire, and diaspora. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006.
- Yeung H.W.C. Rethinking relational economic geography // Transactions of the Institute of British Geographers. 2005. Vol. 30. No. 1. P. 37–51.
- Yiftachel O. Nation-building and the division of space: Ashkenazi domination in the Israeli “ethnocracy” // Nationalism and Ethnic Politics. 1998. Vol. 4. No. 3. P. 33–58.
- Yiftachel O. Between nation and state: “Fractured” regionalism among Palestinian-Arabs in Israel // Political Geography. 1999. Vol. 18. No. 3. P. 285–307.
- Young R. White mythologies: Writing history and the West. L.–N.Y.: Routledge, 1990.
- Zelinsky W. North America’s vernacular regions // Annals of the Association of American Geographers. 1980. Vol. 70. No. 1. P. 1–16.